

Виолончель. Прослушивание.

Джек смотрел, как Валери укладывает вещи в поездку. Тяжелые, твердые вещи в вещевом мешке. Мягкая уложенная одежда, в которую завернута виолончель. Девушка заполняла пустые места аккуратно свернутыми носками и тонким бельем, закладывая гриф и головку инструмента блузками и свитерами. "Мне жаль, что ты не позволила мне ехать," - сказал он. "Нет. Я слишком взволнована." Она снова заиграла Прелюдию №1 Баха Сюита. Плавную, порывистую и глубокую мелодию. Все возможные варианты которой, она репетировала множество раз в течении всего прошлого месяца. *lex*

"Ты будешь прекрасна," - сказал он. "В дополнение к любой программе."

st. "Право. Другие студенты могут называть меня бабулей." Хмурясь, Валери складывала музыкальное оборудование в саквояж. Закрытое шелковое платье цвета морской волны, оно казалось довольно скромным, но когда она начинала играть, разрезы платья обнажали ее тонкие голени, ее изящные длинные ноги. "Кроме того," - она добавила, - "Я хочу держать Хопалонг (так она называла свою виолончель) на переднем сиденье рядом со мной." Она похлопала виолончель, поглаживая ее изгибы. *Syut*

st. Футляр с виолончелью лежит на другой стороне их кровати, открытый нараспашку, бархатная подкладка словно горит алым пламенем на белоснежном покрывале, сама виолончель блестит глубоким насыщенным коричневым. Уже год Джек разделяет свой дом с этим живым деревянным предметом и с Валери, наполняющей теплом и красками все его существование. "Я нужен тебе," - сказал он, кулаки путались в карманах его штанов. "По крайней мере, чтобы помочь с багажом. Принести кофе. Сделать массаж. Как твоя личная группа поддержки."

Валери отложила в сторону вещи и забралась к нему на колени. Усевшись, она обвила руки вокруг его шеи. "Я вернусь, ты знаешь. Прежде, чем ты успеешь соскучиться."

"Я уже скучаю. Кроме того, они примут тебя, и ты останешься." Валери покачала головой, но Джек взял ее за руку. "Да они возьмут тебя. Ты так усердно репетировала. Так переживала. Они не могут не взять тебя."

Она поцеловала его. Его губы, подбородок, его прикрытые веки. "Ты такой милый," - сказала она, - "но ради Бога, тебе пора бы повзрослеть."

Они встретились в музыкальном магазине. Валери взвешивала достоинства Ямахи, электрической виолончели для путешествий. "Весит меньше десяти фунтов," - уверял ее продавец, - "пригодится на случай путешествия. Вы можете взять ее куда угодно." Он настроил инструмент и включил. Деревянный корпус отсутствовал, все, из чего состояла виолончель - это гриф, головка, складные части сторон, чтобы балансировать между бедрами виолончелиста так, чтобы его грудная клетка могла отдыхать.

?

“Похоже на Вбогомолу.” – шутил Джек, забыв о том, что он не должен был подслушивать, в надежде преодолеть разрыв между классикой и роком, между виолончелисткой и барабанщиком, между инь и янь.

Валери улыбнулась и, присаживаясь, заскользила смычком по струнам, сыграв отрывок из Верди. “Хорошая тональность,” – сказала она. “Мне нравится. Хорошая верхняя гармоника. Но это не для меня.”

“Вам нужно приобрести ее,” – настоял продавец. “Если Вам приходится ездить на занятия и обратно на автобусе, то она избавит Вас от множества хлопот. Сделает Вашу жизнь значительно легче.”

“Я так не думаю. Легче – не значит лучше.” Она подбросила ключи в воздухе и поймала их снова. Ее “конский хвост” был просунут через заднюю часть бейсболки с надписью «Мой парень – Бах». Джек закрыл глаза и, намотав на руку ее “конский хвост”, повернул ее лицо к своему, чтобы поцеловать.

Он снова открыл глаза, чтобы видеть ее улыбку, она словно читала его мысли. “Некоторые вещи не должны быть простыми,” – она дразнила его, подходя так близко, что он мог чувствовать запах ее духов. “Они должны быть реальными.”

Несколько ужинов, затем концерт, и, наконец, постель. Когда они занялись любовью в первый раз, она водила пальцами по изгибам своего тела, иногда останавливаясь, будто рисовала. Она шептала так тихо, словно играла пиццикато, и прикасалась пальцами к своим губам, жадно кусая их, прежде, чем позволить ему почувствовать их вкус.

Джек проснулся среди ночи. Сторона кровати, на которой спала Валери, была холодной, из ванной комнаты до него доносился шум воды. Должно быть, она не могла заснуть – футляр от виолончели лежит на ковре открытый, она явно перекладывала некоторые вещи – блузу заменил кашемировый шарф, синие кружевные шортики были обернуты вокруг смычка. Ее счастливые шортики, она всегда так говорила. Она верила в удачу. Интуитивную прозорливость, счастливый случай, догадки. Она даже вымыла автомобиль в тот день, просто на всякий случай. “На всякий случай?” – спросил Джек, зная ее причуды. Она усмехнулась:

“Что если директор увидит, что я выхожу из своего автомобиля перед прослушиванием? И скажет: «Какой чистый автомобиль! Я хочу видеть эту девушку у себя на занятиях!» Вдруг улыбка исчезла с ее лица, и она пожала плечами. “Можно попробовать. Шансы неплохие.”

“У тебя получится,” – снова сказал ей Джек.

Cor. “Не получится. Может быть я и Хопалонг провалимся и до конца жизни будем коротать свои дни в одиночестве, давая уроки. Это будет главным провалом.” Она говорила легко, но когда она отворачивалась, Джек видел слезы.

Все зависит от этого прослушивания. По крайней мере, именно так она думала, он знал это. У нее не было другого плана, других вариантов, она не могла отступить. Он чувствовал себя болезненно, его желудок прилип к позвоночнику. Если ее примут в

программу, она переедет в Бостон. Он, конечно, может последовать за ней. Хороший барабанщик всегда найдет работу. Но в Бостоне, в этой атмосфере богатства и роскоши, *Секс* она отдалится от него. Это будет борьба классика против современника, Баха против рока. Она станет серьезной, еще более преданной своему делу. Он видел все это отчетливо, словно пророчество. Если она получит эту работу, она оставит его.

Проклятая виолончель! Эта массивная пиликующая деревянная штука между ее ног! Это была даже не классическая или старинная вещь, а просто стандартная виолончель из каталога. Она была не в состоянии позволить себе большее. Он вспомнил премьеру, как они занимались любовью, как она сводила с ума каждым своим прикосновением, заставляя его трепетать, как гладила его, играла с ним, пока он не достигал крещендо. Пока он лежал под прохладной простыней, она пошла в гостиную, и он застал ее там, нагую, играющую Вивальди при свете луны. После этого у него не оставалось выбора.

Струйка синего кружева зацепила его взгляд, и он вытянул шортики, развернув смычок. Он провел ими по лицу, жадно вдыхая ее запах. Он слышал шум воды, все еще бегущей в ванной и голос Валери, напевающей введение к ре-мажорной Сарабанде. Джек быстро вынул всю одежду из сумки, высвободив виолончель. Он достал ее из футляра и зажал между руками. Немного давления, совсем немного, и дерево треснет. Никто не узнает. Она вытащит инструмент, чтобы настроить перед прослушиванием, услышит этот тихий свист воздуха, выходящего из виолончели, и потеряет уверенность. Это будет в ее глазах, как у Саши Коэн перед выступлением на Олимпийских Играх. Сбывшееся пророчество, что она провалится. Валери вернется с прослушивания, чрезвычайно печальная, но ведь он сделает это для нее. Он любит ее так сильно, что готов пойти на это. *Секс*

В одной руке он все еще держал кружевные шортики. Они были на ней в тот день, когда они встретились - именно поэтому она считала их счастливыми. "Кто бы мог подумать," - сказала она тогда, - "что среди миллионов людей в этом мире, мы найдем друг друга? Это было заранее предначертано." Он держал шортики и виолончель. Один момент чтобы определиться, одно единственное решение, доля секунды, чтобы изменить жизнь навсегда. *ст.*

"О!"

Валери стояла в распахнутой двери ванной, завернутая в полотенце. Она стояла совершенно неподвижно, наблюдая за происходящим. Он еще ничего не сделал, но в тот момент предельной ясности и сбывающихся пророчеств по поводу ее провала, он знал, что она все поняла, что она поняла... Было понятно: все кончено. *Секс*

*В моем огне хорошо. Есть нежность,
какого ошибок. Снял все эту завянувшую.*

My heart broke